

материалы, из которых они изготавливались, богатые и разнообразные орнаментальные мотивы и композиции ковров и вышитых изделий. В каталоге даны четыре основных типа ковров и ковровых изделий из Азербайджана (согласно принятой классификации): Куба-Ширван, Гянджа-Казах, Карабах и Тебриз. В основе такой классификации три основных признака: орнамент, техника исполнения и вид коврового изделия. Все указанные типы изделий есть в иллюстрациях каталога. В тексте, составленном М. Кулиевым, совершенно справедливо отмечается, что Азербайджан — один из тех регионов мира, где искусство ковроткачества достигло высокого мастерства.

Каталог, посвященный азербайджанским вышивкам, знакомит с широко распространенными в прошлом их видами — шитьем золотом, бисером, блестками, тамбурным швом, гладью и др. и показывает, какие изделия украшались вышивкой. Например, золотым шитьем обычно украшали праздничную женскую верхнюю одежду, головные уборы, некоторые предметы домашнего быта, тамбурным швом и гладью (с использованием цветных ниток) — женскую одежду, чехлы на подушки, разнообразные покрывала, настенные украшения. В каталоге представлены различные виды занавесей (для ниши, для зеркала), широко применявшиеся в быту азербайджанцев и часто украшавшиеся штампованными бляшками, блестками, а также другие предметы быта (футляры для Корана, часов, гребней, кошельки, кисеты для табака, переметные сумы, намазлыки — коврики для молитвы и т. д.), покрытые богатой вышивкой.

В Азербайджане известно более 80 видов изделий из меди, лишь часть которых представлена в каталоге. Это разнообразные сосуды для воды (*афтафа*, *сатылы*, *парч* и др.), подносы, пиалы, газаны для приготовления пищи, различной формы светильники — *чыраги*, своеобразные банные принадлежности. Большинство из них богато орнаментировано геометрическим, растительным узором, многие предметы украшены фигурами людей и животных.

Ковры, вышивки, медные изделия, представленные в каталогах, датируются в основном XIX — началом XX в., хотя истоки этих форм культуры относятся к значительно более ранним эпохам, что подтверждается археологическими находками и письменными источниками. Но в XIX — начале XX в. такого рода изделия имели еще достаточно широкое распространение в быту азербайджанцев и в той или иной степени, в зависимости от имущественного положения хозяев, являлись частью интерьера азербайджанских жилищ.

Рассмотренные три выпуска (2, 3, 6) каталогов весьма различны по насыщенности информацией. Наиболее информативен вып. 2 «Ковры и ковровые изделия», поскольку почти каждый экспонат помимо датировки снабжен пояснениями о месте изготовления. К сожалению, такого рода данные отсутствуют в каталоге о вышивках, в котором дана только датировка предмета. Наименее информативен каталог, посвященный медной утвари.

Кроме названных этнографических каталогов, в серии опубликованы два выпуска, посвященные археологической тематике. Это «Археологические памятники» (вып. 7 — Р. Мамедов) и «Древние и средневековые монеты» (вып. 8 — А. Раджабли). Среди археологических находок, обнаруженных на территории Азербайджана и представленных в каталоге, большое место занимает керамика, глиняная посуда и другие предметы быта, относящиеся к различным эпохам и охватывающим период с X—IX вв. до н. э. до XV в. н. э. В нумизматической коллекции музея представлены монеты, имевшие обращение в древней Кавказской Аلبании и Атропатене, монеты феодальных азербайджанских государств, а также более поздние.

Изданные каталоги, естественно, не претендуют на решение широких научно-исследовательских задач, но полезны как немаловажный источник этнокультурной информации.

Н. Д. Пчелинцева

## НАРОДЫ АМЕРИКИ

Археология Кубы. Новосибирск. 1986. 174 с.

В 1986 г. в Сибирском отделении издательства «Наука» (г. Новосибирск) вышла в свет «Археология Кубы» — коллективная монография, созданная совместными усилиями кубинских и советских исследователей. История советско-кубинского сотрудничества в области археологии имеет давние традиции. Сразу же после победы революции на Кубе начались и первые практические контакты специалистов двух стран. Древности далекого карибского острова неизменно вызывали в нашей стране большой интерес, что нашло отражение и в исторической литературе. Достаточно сказать, что первая публикация кубинских археологических материалов была осуществлена в СССР уже в 1967 г.<sup>1</sup> Не ослабевала эта тенденция и в последующие годы<sup>2</sup>. Именно в рамках указанной традиции и следует рассматривать появление рецензируемой книги.

Правда, есть у нее и одно важное отличие от предшествующих публикаций. Данная работа — результат более высокого этапа советско-кубинского археологического сотрудничества. Она написана на основе материалов, полученных в ходе совместных разведок и раскопок на Кубе, проведенных с 1978 по 1984 г. сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР и Академии наук Кубы.

Сборник состоит из 10 статей кубинских и 6 статей советских авторов, в которых освещаются самые разнообразные по значимости проблемы доиспанского прошлого острова.

Во Введении ответственный редактор книги Р. С. Васильевский дает краткий обзор совместных полевых работ сибирских и кубинских археологов в различных районах Кубы на памятниках докерамического периода.

Далее следует крайне сжатая по объему, но весьма емкая по содержанию статья старейшего кубинского археолога, основателя современной школы кубинской археологии Эрнесто Табио, в которой содержится общая характеристика развития археологической науки в стране за последние десятилетия и даны периодизация доиспанских культур Кубы и список всех имеющихся на сегодня радиоуглеродных дат по древностям острова. К сожалению, приведенная в статье схема периодизации археологических памятников Кубы явно устарела, о чем неоднократно говорил при жизни и сам Э. Табио. Она отражает состояние науки на 40—50-е годы и была создана еще в 1962 г.<sup>3</sup> Между тем принципиально новые<sup>4</sup> по содержанию периодизации кубинских древностей разработки как самими кубинцами, так и зарубежными специалистами<sup>5</sup>.

В статье В. П. Алексеева, изучавшего в 1972 г. краниологические материалы на Кубе, ставится вопрос о происхождении древнего населения острова. Учитывая большое морфологическое сходство черепов кубинских сибонеев с карибо-аравакскими племенами, автор уверенно заключает, что «среди предков араваков и карибов нужно искать те исходные группы, которые приняли участие в заселении острова и образовали основу, на которой сформировались разные группы кубинских индейцев. Таким образом, южный, а не северный (через Флориду) путь заселения острова кажется наиболее вероятным» (с. 22).

Важное место в сборнике занимает работа Х. Феблеса «Каменные орудия комплекса Себоруро», посвященная характеристике древнейших археологических комплексов Кубы в провинции Ольгин, на побережье. Кубинский исследователь, обобщив весь имевшийся археологический материал по докерамическим памятникам региона (в том числе и результаты собственных раскопок на стоянках группы Левиса—Себоруро), разработал новую схему развития доземледельческих культур на острове. Он выделяет три этапа: ранний (8000—5000 лет до н. э.), средний (5000—2000 лет до н. э.) и поздний (2000 лет до н. э. — 1500 г. н. э.). Далее автор значительно удвевняет традиционную датировку слоя памятника Левиса, наиболее раннего на Кубе, — с 3740 до 5740 лет до н. э., т. е. на 2 тыс. лет. Основанием для столь радикального пересмотра послужила ссылка на дендрохронологическую поправку, устно высказанную Э. Табио в 1979. Однако для столь ответственного заключения требуется, конечно, более надежная и развернутая аргументация. Не случайно, видимо, сам Э. Табио оставил в своей статье (см. настоящий сборник, с. 13) прежнюю радиоуглеродную дату для слоя VII Левисы без каких-либо поправок — 3740 лет до н. э. А ведь такое значительное удвевнение понадобилось Х. Феблесу для обоснования своей хронологической схемы докерамических памятников Кубы: 8000—6000 лет до н. э. и т. д. Наконец, еще один важный вывод автора состоит в том, что он постулирует североамериканское происхождение первых обитателей острова — с п-ова Флорида и восточного побережья США.

Статья «Археологические исследования в долине р. Маяри» написана группой авторов: Р. С. Васильевским, А. К. Конопацким, В. И. Молодиным и Х. Феблесом. Помимо общего описания древних стоянок по р. Маяри (их известно сейчас более 30) здесь представлены также материалы раскопок двух памятников — Мелонес-23 и Мелонес-27. Точных датировок для них пока нет, но авторы предполагают, что их находки по возрасту древнее слоя VII стоянки Левиса. В этой же статье делается вывод о возможном приходе на Кубу первых поселенцев с побережья Мексиканского залива. Этот вывод противоречит тому, что один из авторов (кубинец Х. Феблес) в упомянутой выше статье утверждал совершенно иное — древнейшее население пришло на остров с севера, с территории США.

В статье «Влияние почвенно-растительных факторов на развитие земледелия кубинских аборигенов», принадлежавшей перу известного кубинского археолога Х. М. Гуарчу, ставятся весьма важные проблемы взаимоотношений древнего человека с природной средой.

Другие статьи рецензируемого сборника носят более частный характер. М. Пино дает анализ пиши кубинских аборигенов по материалам пещерной стоянки Левиса-1. Р. С. Васильевский и В. И. Молодин не очень удачно, на наш взгляд, объединили в рамках одной публикации вещи, явно несовместимые: каменный инвентарь докерамических памятников Себоруро (кстати, о нем уже шла речь в статье Х. Феблеса) и глиняную пластику земледельческого поселения Лагуна-де-Лимонес, расположенного на востоке острова. Н. Кастельянос публикует материалы раскопок одного из древнейших земледельческих поселков Кубы — Ломадэ-ла-Форесталь, вблизи г. Ольгин. А. Мартинес посвящает свою статью описанию охранных работ в Пунта-де-Макао, неподалеку от Гаваны (сезон 1973 г.), где удалось обнаружить как докерамический (доземледельческий), так и керамический (земледельческий) слой. Последний относится к началу VII в. н. э. (по <sup>14</sup>C, 1330±120 лет назад) и является пока древнейшим земледельческим памятником Кубы. Э. Алонсо публикует карту археологических памятников на п-ове Гаунакаибес, на крайнем западе острова, где на площади 1000 км<sup>2</sup> выявлено 102 археологических объекта (80 из них — вновь открытые). Л. С. Домингес рассказывает о некоторых аспектах древнего искусства земледельческого населения Кубы; Х. Кальвера и Р. Фунес — о наскальных росписях в пещерах провинции Камагуэй; К. Родригес — об изображениях антропо- и зооморфных духов-покровителей у аборигенов острова.

Г. Ф. Коробкова на основе трасологического анализа определяет функциональное назначение каменных орудий стоянок Наранхо-1 и Мелонес-10.

Завершает сборник публикация новых радиоуглеродных дат для некоторых кубинских древностей земледельческого периода (В. А. Панычев).

В целом совместная работа советских и кубинских археологов, вводящая в научный оборот новые археологические данные, безусловно полезна для многих специалистов по доколумбовой Латинской Америке. Однако название ее — «Археология Кубы» — представляется нам явно не соответствующим реальному содержанию. Сборник — лишь первый шаг на долгом и трудном пути по созданию подлинной картины развития доиспанских культур на территории Кубы.

В. И. Гуляев, Э. Г. Александренков

#### Примечания

<sup>1</sup> Попова Т. А., Фрадкин Э. Е. Древние культуры Кубы // Сб. МАЭ. 1967. Т. XXIV. С. 147—179.

<sup>2</sup> Александренков Э. Г. Индейцы Антильских островов. М., 1976.

<sup>3</sup> Tabio E. E., Rey E. Prehistoria de Cuba. La Habana, 1966.

<sup>4</sup> Такая схема была у Э. Табио (личное сообщение 1980 г.); Decal R. M. y Rivero de la Calle M. Arqueología aborigen de Cuba. La Habana, 1986.

<sup>5</sup> Polish contributions in New World Archaeology / Ed. J. K. Kozlowski. Krakow, 1977; Chronologies in New World Archaeology / Eds Taylor R. E., Meighan C. W. N. Y., 1978.

## НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Мифы, предания и сказки Западной Полинезии (острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума). М., 1986

На русском языке опубликовано уже значительное число океанийских фольклорных текстов. Имеющиеся публикации весьма отличаются друг от друга по качеству. Среди них можно назвать и такой сборник, как «Мифы и предания папуасов маринд-аним», вышедший в той же, что и рецензируемое издание, серии «Сказки и мифы народов Востока» и представляющий тексты, взятые из трудов немецких этнографов-путешественников П. Вирца и Г. Невермана, и в то же время такой сборник, как «Сказки и легенды маори», тексты которого взяты из книг новозеландского писателя-фольклориста А. Рида, составителя сугубо популярных, сильно беллетризованных сборников австралийского и океанийского фольклора<sup>1</sup>. Высоким профессиональным уровнем подготовки текстов и широким охватом фольклорного материала выделяется вышедший в 1970 г. все в той же серии сборник «Сказки и мифы Океании», в котором представлены образцы устного повествовательного творчества всех основных групп коренного населения островов Южных морей, в том числе и Западной Полинезии. Однако рецензируемый сборник займет не менее заметное место в ряду изданий полинезийского фольклора и позволит советскому читателю весьма существенно углубить свои представления о нем.

Прежде всего, в отличие от предшествующих изданий — в том числе от упомянутого сборника 1970 г., в котором лишь небольшая часть мифов и сказок переведена с языка оригинала, — подавляющее большинство текстов рецензируемой книги переведено не с европейских, а с полинезийских языков. Составительница сборника и переводчица содержащихся в нем мифов, сказок и преданий М. С. Полинская, лингвист, специалист по океанийским языкам, поставила перед собой очень сложную и благородную задачу попытаться донести до русского читателя стилистический колорит устного художественного творчества островитян и добиться как можно большей точности в передаче содержания 145 фольклорных произведений, отобранных строго продуманно. С этой задачей, требующей исключительно трудоемкой, кропотливой работы, глубоких не только лингвистических, но и этнографических и исторических знаний, а также художественного вкуса, М. С. Полинская справилась весьма успешно. Поэтому ее труд представляет большой интерес как для широкой публики, так и для тех ученых — этнографов, историков, фольклористов, которые прежде были знакомы с образцами полинезийского фольклора преимущественно в английских, немецких и французских переводах, нередко сокращенных и беллетризованных.

Кроме того, составленный М. С. Полинской сборник содержит гораздо более полную подборку самоанских, тонганских и в особенности ротуманских текстов, чем издание 1970 г. В большинстве своем это фольклорные версии, которые ранее на русском языке не публиковались. Что же касается устного творчества коренных жителей острова Ниуэ, то оно представлено в советской печати впервые. И наконец, составительница последовательно выдержала принцип выбирать для перевода наиболее ранние и квалифицированно подготовленные публикации текстов.

Сборник открывается пространством предисловием, написанным М. С. Полинской. В нем приведены исторические, этнографические и лингвистические сведения о коренном населении Полинезии в целом и тех двух архипелагов и двух островов, которым посвящен сборник; дан